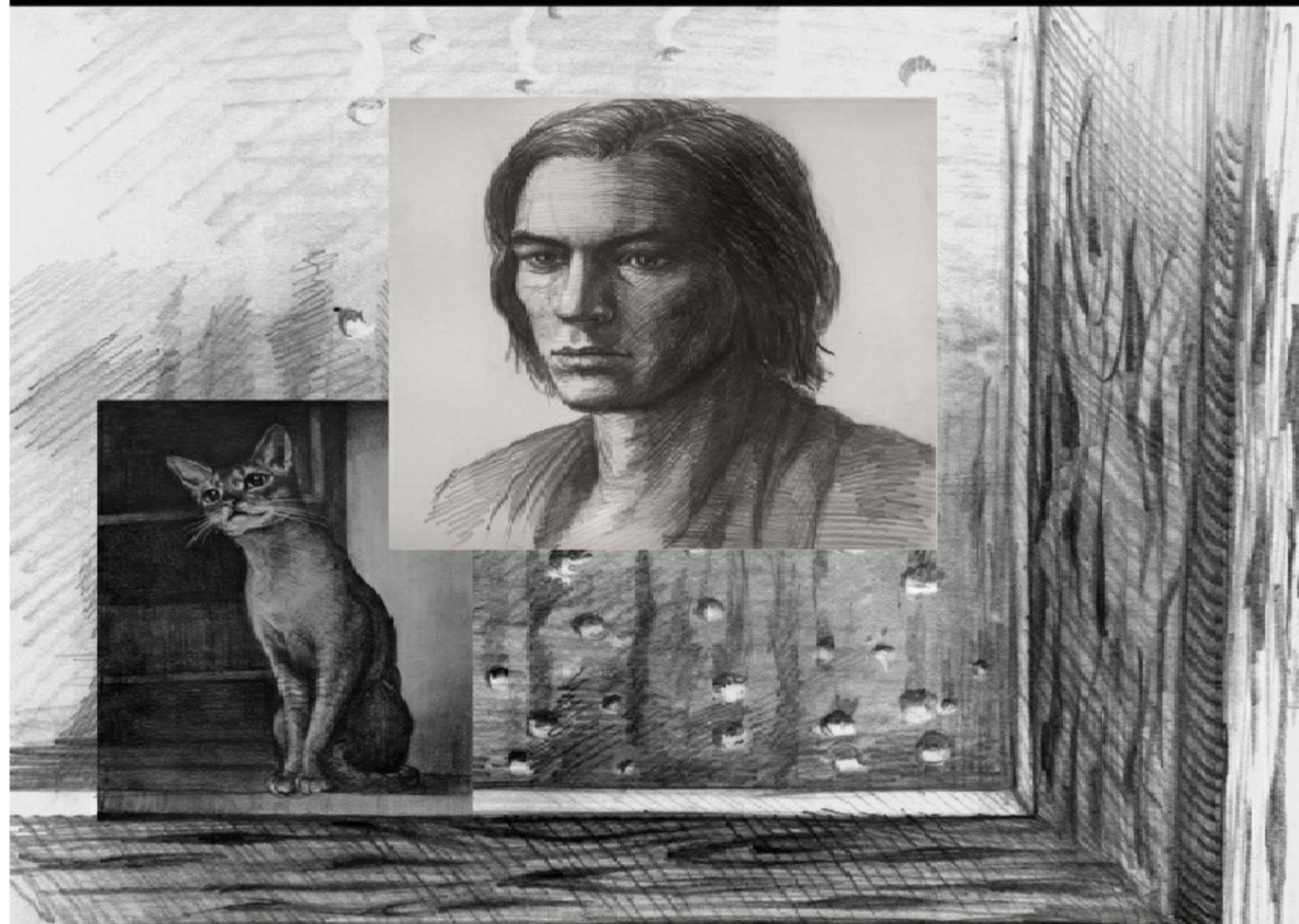

Виктория Камалова

Удар

16+

Виктория Камалова

Удар

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Камалова В.

Удар / В. Камалова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта повесть в стиле магический реализм о молодом талантливом художнике Вилли Майнде - сироте, живущем в Лондоне в 1900 году. Перед вами пронзительная история про Искусство, его магию, сложность выбора художника. А начинается она... с обычного удара, который изменяет всю жизнь Вилли, принеся ему чудесный, и, одновременно, пугающий дар. А потому вы ни за что не догадаетесь, чем окончится эта история, не прочитав до конца.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Когда пытаешься изобразить что-то,
рождается странное ощущение,
будто никогда раньше не видел этого
предмета. Прямо на глазах рождается
нечто совершенно новое.

(Поль Валери)

В жизни бывают только две настоящие трагедии:
одна – когда не получаешь того, чего хочешь,
а вторая – когда получаешь.

(Оскар Уальд)

Глава 1

Проснулся и сижу в холодном поту. Руки дрожат. Что это было? Кто-то скажет – кошмар, но мне не важно название. Оно будит меня вот уже месяц. Прошлое не отпускает – терзает, лишает сил. Ночь не даёт покоя, сон не приносит отдыха. А снится мне мама. Она лежит при смерти и тянет ко мне бледные худые руки:

– Вилли, подойди, не бойся! Я чувствую, как болезнь отступает. Скоро я выздоровею и стану сильной. Спасибо, сынок, за помощь!

– О чём ты, мама? Что я могу сделать?

– А разве ты ещё не сделал! Ты можешь! У тебя дар, я знаю!

И тут я просыпаюсь. Задыхаюсь, слушаю, громкие, тяжелые удары сердца. Матушка уже год как на небесах, а я всё думаю, мог ли спасти её? Неужели в моих силах было продлить маме жизнь? И о каком даре она говорит? Отродясь ничем не выделялся – самый заурядный человек. После похорон я спал часа два в день, не больше. Но потом всё улеглось. И вот месяц назад ночи опять превратились в кошмар.

Иногда я думаю, что и Шекспир пережил такое, раз написал:

“Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою”.¹

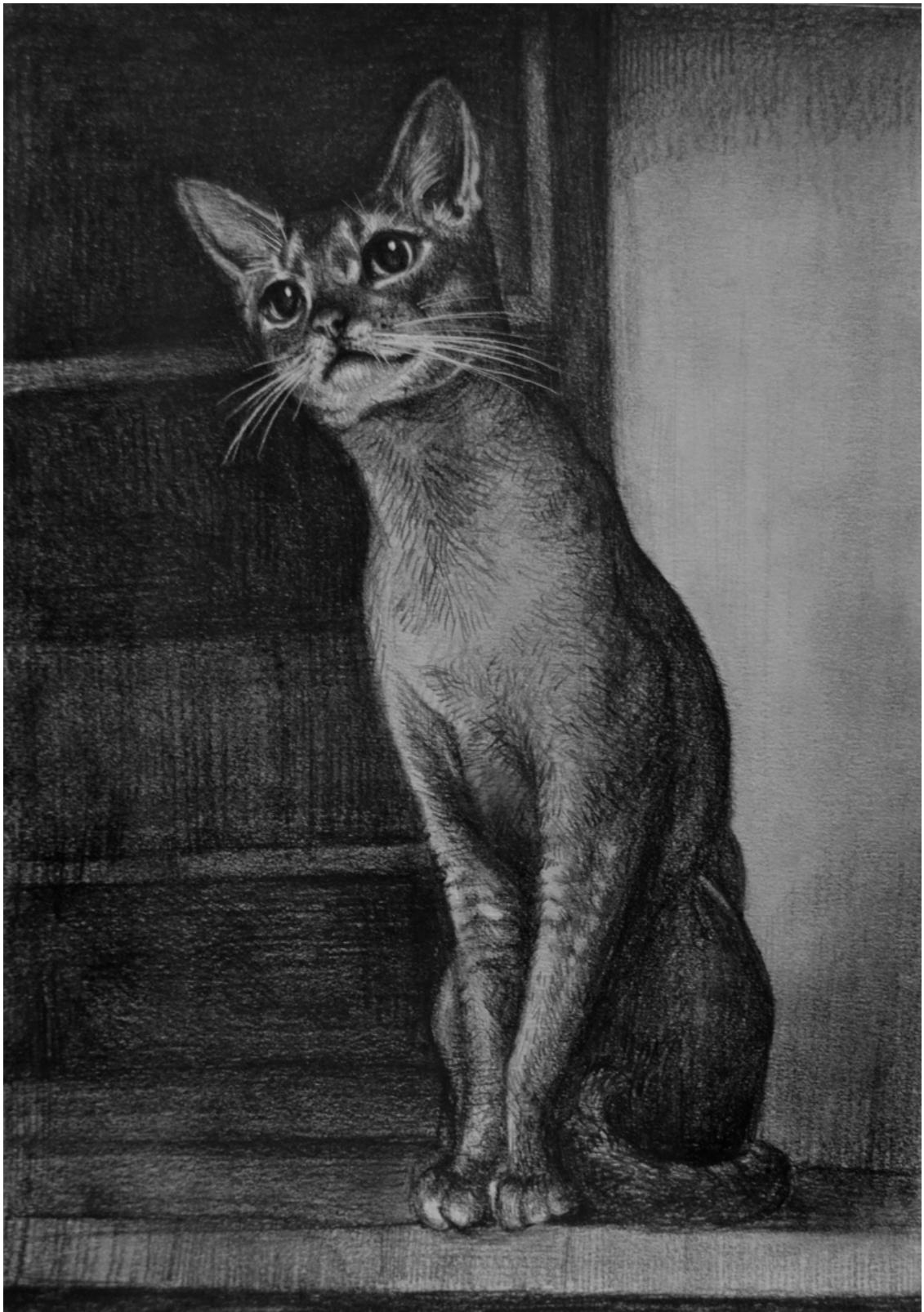
Но любая ночь рано или поздно заканчивается. Днем от грустных мыслей меня отвлекают дела. Я встаю в семь, умываюсь и готовлюсь к занятиям. Если есть еда, завтракаю. Сегодня – ломоть ржаного хлеба с чаем. Для кого-то это невкусно, а для меня – пир. Порой и этого нет. Главное, выпить стакан черного чая. Горячий и терпкий, он возвращает меня к жизни. Чай – обязательно. Еда – как повезет. К голоду нельзя привыкнуть, но во всем можно найти плюсы: если болит желудок, значит, я живой. А дневные заботы отвлекают от мыслей о еде. Я учусь живописи у мистера Бернадетти и к девяти утра прихожу в его мастерскую, где вместе со мной семеро учеников. Мы занимаемся с девяти до полудня каждый день, кроме воскресенья. Бывает, задерживаемся до часу дня. После двух и до семи вечера я помогаю мастеру в мастерской или по дому. Иногда мистер Бернадетти или его жена, должно быть, видя моё старание, отпускают меня пораньше.

¹ У. Шекспир, Сонет №28. Перевод С.Я. Маршака.

Я вбежал в мастерскую без четверти девять. Мастер говорит: «Кто рано утром придет, место у окна займет». Все хотят местечко посветлее. 1900 год на дворе, но художники по-прежнему стараются рисовать при дневном свете, как и сотни лет назад. Для меня мастерская – дом родной. Привык к ней за последние годы. Это большая квадратная комната – двадцать четыре на двадцать четыре ярда. Три больших окна. По одному на стене. Но всем места около окон не хватает. На четвертой стене окна нет, что и понятно: там дверь и полки, уставленные всякими художественными принадлежностями – красками, кистями, палитрами, маслами. На самом верху навалены холсты – на подрамниках и в рулонах. Вдоль стен стоят наши мольберты и еще есть два вместительных шкафа для графических работ – мастера и наших. По стенам развешаны картины Бернадетти. Под высоким потолком их помещается великое множество. Изредка приходят покупатели, и мы помогаем мастеру снимать картины. Но в основном мистер Бернадетти пишет на заказ. Работы учеников, пусть редко, но тоже иногда попадают на стены. Мы считаем это огромным достижением. Завидуем друг-другу. Я горд, что уже несколько месяцев на стене висит портрет серого кота. Миссис Бернадетти устроила конкурс, и моя картина понравилась ей больше всего. Говорит, что её Бруно именно такой.

В мастерской похолодало. Немудрено. Октябрь! На несколько часов в день растапливали камин. Я не стремился сесть там, где жарко. Парни говорили, что я одержим живописью и поэтому не чувствую холода. Думаю, причина в другом: сейчас всего лишь осенняя прохлада, до зимних морозов далеко. Не люблю зиму. Сто одежек надевать и за камином следить. Мне приходится лазить через чугунный люк в угольный подвал рядом с домом Бернадетти и наполнять пурдониум² в доме. В одном ведре всего пять-шесть фунтов. Вот и приходится бегать несколько раз в день. В самые холодные дни мне в помощь дают ещё двух учеников из мастерской. Поэтому я и рад, что пока не зима.

² пурдониум – ящик для угля

Я сразу обратил внимание на новую постановку³. Обрадовался, что она не очень сложная и по цвету, и по предметам – всего восемь. Неделю назад мы рисовали овощи, и на столе

³ постановка (тут) – постановочный натюрморт, который рисуют художники. Бывают натюрморты спонтанные, естественные. Тут натюрморт поставили с целью научить юношей рисовать.

было не менее тридцати предметов. Та постановка нас измучила. Такое изобилие мне не по душе. Я люблю лаконичность в натюрмортах. И вовсе не от лени. Рисовать могу весь день, но люблю простые композиции, в которых ничего ни убавить, ни прибавить. В этот раз нас ждала обыкновенная стеклянная ваза с розами, две книги, чернильница и перо. “Отлично! Особенно хороши нежные розы и черная грязная чернильница. Великолепный контраст”, – подумал я. Приятный запах цветов доносился до меня, напоминая Шекспира:

«И только аромат цветущих роз -
Летучий пленник, запертый в стекле, -
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле».⁴

Матушка любила читать сонеты наизусть за вышивкой. Вспоминая эти строки, я установил мольберт, закрепил на нём подрамник с холстом и приступил к наброску с натуры. Кроме меня у мастера еще шесть учеников, но я сирота и не плачу за обучение, как остальные. Мистер Бернадетти знал мою матушку. Полагаю, их связывало нечто большее, чем дружба. Но я не уверен. Перед смертью она договорилась с ним о моём трудоустройстве и обучении. Он – единственный якорь в моей жизни, теперь так похожей на бурное море. Надеюсь, я не бездарен, и его доброта не будет напрасной. Очень верю, что не только выживу, но и стану художником. Мечтаю, как разбогатею однажды и отплачу мастеру за доброту и науку.

Мы сидели вшестером. Обычно никто не опаздывал. Дэн только, и то на минутку-другую. Кто ж хочет штраф платить? Мистер Бернадетти не просто строг, а, можно сказать, повернут на дисциплине. Но я согласен с ним – художник должен работать много и с раннего утра. Дэн почти не опоздал. Мастер, к радости ученика, не заметил – давал распоряжения прислуге. Рыжеволосый веснушчатый Дэн – всеобщий любимец, всегда улыбался. Трудно представить его грустным. Он сияет, как солнышко в июле. Тепло и ярко. Второпях Дэн полез за ученическими холстами, что на самой верхней полке, но не дотянулся и позвал на помощь.

Я сидел ближе всех к полкам и уже было встал, чтобы помочь, но тут раздался грохот и несколько подрамников с холстами рухнули мне на голову. Знаете, я совсем не удивился. Мне всегда так “везёт”. Если на улице гололед, я буду первым, кто поскользнётся и упадёт. Когда матушка была уже больна, она часто проливали чай на стол, обливая всегда именно меня. Обварила как-то. Как бы я хотел вернуть то время! Пусть повторится та боль или даже станет в сто раз сильнее. Но обо всём этом я подумал, когда пришёл в сознание.

Глава 2

Я открыл глаза и понял, что лежал на кожаном диване в соседней комнате. Мистер Бернадетти здесь отдыхал или принимал посетителей. Никогда не думал, что кожа так противно пахнет – как испорченная рыба. Вокруг меня суетились и взволнованно гомонили “собратья по кисточке” – все шестеро. Особенно убивался Дэн:

– Вилли! Слава небесам! Ты открыл глаза. Я так боялся, что убил тебя.

– Да жив я, жив. Подумаешь – холсты свалились!

– У тебя на носу синяк и на виске. На, приложи монетки.

– Лучше я встану. А синяки меня не пугают, – сказал я и подумал, что мое некрасивое лицо лишний синяк не испортит. Да и они ведь не надолго. День-два, ну, неделя.

Я хотел встать, но не смог. Всё вокруг закружилось, и меня затошнило. В ушах будто ветер зашумел. Пришлось сидеть на диване и смотреть, как ребята расходятся по мольбертам. Вдруг я почувствовал, как остро пахнет мастерская красками, маслами и лаками. Странно, раньше я не замечал этих запахов. Да, чувствовал, конечно, но это были обычные запахи мастерской. А чем ещё должно пахнуть в мастерской художника? Минут через десять мне

⁴ У. Шекспир, Сонет №5. Перевод С.Я. Маршака.

стало лучше, и я вернулся к работе. Сначала слабость и головокружение не давали сосредоточиться. Ушибленная рука неуверенно держала кисть. Но вскоре в голове прояснилось, и мошки перед глазами больше не мешали писать натюрморт. Мастер даже разрешил мне работать сидя. «И у болезней бывают плюсы», – подумал я. Кисть, как обычно, скользила по холсту, и я наслаждался живописью, не замечая времени. Казалось, прошло минут двадцать.

Но мы писали уже примерно три часа. Мистер Бернадетти объявил, что занятие окончено, и до завтра все свободны. Мы послушно расставили холсты вдоль стены и взволнованно ожидали приговора учителя. Мастер ходил, внимательно осматривал работы, почесывал лысеющую голову и поглаживал усы, которыми явно гордился:

– Не попал в тон. Справа сделай темнее. Причем намного. Не бойся темнить. Это масло. Белила возьмут свое в самом конце работы. Что-то с композицией. Немного ушел влево. Справа добавь лепестки роз на столе. Отходи подальше от холста и смотри на него, прищурив глаза. Недостатки иногда проявляются при таком методе. Отлично. Однако, поторопился проработать листья. Этим мы займемся завтра. Тормози себя немного. Какую кисть использовал для подмалевка? Нет! Нужна вот эта широкая с грубой щетиной.

– Вилли! – мастер остановился у моего холста.

Я насторожился. Всякий раз, выслушивая замечания учителя, я трепещу и готов сквозь землю провалиться. Так хочется услышать: "Вилли! Это шедевр! Сегодня же твою картину выставят в музее".

– Вилли... Что с розами? У всех они свежие и яркие, а у тебя... Объясни!

– Я не знаю, мастер, – смутился я. – Голова ещё болит, наверное. Не пойму, как написал такое...

Только на моем полотне розы оказались увядшими, потерявшими цвет, а снизу я зачем-то нарисовал мертвую муху.

Ребята хохотали от души. Кто-то сказал, что, видимо, меня здорово бабахнуло по голове. Я тоже смеялся, хотя и не видел причин для веселья. Поразительно, но совершенно выпало из памяти, как появились у меня на холсте увядшие розы и тем более муха.

Настроение, которое итак не очень радовало после удара по голове, упало до нуля. Расстроенный я побрел домой.

Обед получился скудный – хлеб, каша и чай. Правда, и есть не хотелось. Я убрал остатки еды и вернулся в мастерскую, где с радостью узнал, что буду помогать Мэри, служанке мастера. Она мыла полы в доме и в мастерской, а я менял грязную воду на чистую. Тайком я любовался длинной шеей Мэри. Капельки пота поблёскивали на ней очень живописно. Игра света и тени на коже девушки приводила меня в восторг. Волосы Мэри спрятала под синий платок, который изумительно сочетался с ярко-голубыми глазами. Но во время работы одна непослушная русая прядь упала на шею, и я представил, как дома нарисую портрет Мэри. Прямо разложил всё по цветам – ультрамарин, небесная голубая, охра и сиена. Ещё добавлю теплого оранжевого, чтобы оживить холодные голубые тона. Мы уже почти закончили, как у меня опять закружилась голова. Я пошатнулся и разлил воду, уронив ведро. Было стыдно, но Мэри не стала ругать, а, наоборот, потрепала меня по волосам и отпустила домой.

Я вернулся туда раньше обычного. "Привет, Спайди!" – привычно поприветствовал своего единственного друга – маленького паука, который сплёл себе паутину между шкафом и окном. Жил он в пыльной тени. Там, где солнце бывало только рано утром. Я радовался, что мог теперь хоть с кем-то поговорить. Когда было светло, рассматривал своего маленького друга. Серо-коричневый, неяркий. Да уж, внешность и ему, и мне Господь дал так себе. Я подбрасывал паучку мух – находил их и даже ловил специально. Жаль, что Спайди не мог говорить. Иногда так хотелось послушать какую-нибудь историю. Матушка была прекрасной рассказчицей. Теперь я сам придумываю все истории. Иногда рассказываю их Спайди. Наверное, так и с ума сойти можно. Хотя, живут ведь люди в одиночестве годами.

Спать я лёг рано – в шесть вечера. Открыл томик Шекспира, но читать не смог – буквы прыгали перед глазами, бумага вместо белой стала разноцветной, будто с акварельными разводами. "Не до чтения сегодня", – решил я, отложил книгу и провалился в глубокий сон. Удивительно, но кошмары мне не приснились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.